

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.1
EDN: ZARKPP

ДЕПОПУЛЯЦИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ИТОГИ ЗА 1992–2022 ГГ. И КОМПОНЕНТЫ

Рыбаковский О.Л.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
(117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5)

E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования:

Рыбаковский О.Л. Депопуляция в регионах России: итоги за 1992–2022 гг. и компоненты // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 4-17. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.1; EDN: ZARKPP

Аннотация. В статье представлены результаты регулярно проводимого автором общего анализа депопуляции в регионах России в постсоветский период. Подведены итоги воспроизводства населения за период с начала 1992 г. до конца 2022 года. Регионы ранжированы по относительному уровню депопуляции за период, то есть по доле потерь населения за счёт естественной убыли относительно численности населения на начало депопуляции в стране (1992 г.). По каждой из выделенных групп территорий обозначен вклад структурных и бесструктурных компонент рождаемости и смертности в формирование итоговой естественной убыли того или иного региона. Аналогичным образом исследованы и те немногочисленные территории России, в которых за 31 год (в сумме) депопуляции не было. Подчёркнута роль демографических структурных волн в формировании текущих масштабов депопуляции в большей части регионов страны. Сделан вывод, что депопуляция — это не только результат низкой рождаемости и высокой смертности населения регионов России, но и следствие негативной возрастной структуры населения, а в отдельные периоды времени — и нисходящей демографической структурной волны. Для выхода из депопуляции демографическую политику необходимо проводить дифференцированно во времени и территориально. Активную фазу пронаталистской демографической политики надо начинать на спуске демографической структурной волны, а не на подъёме, как это уже было в истории России два раза после 1980 г., что лишь усиливало волнообразность возрастной структуры населения страны.

Ключевые слова: депопуляция, рождаемость, смертность, возрастная структура населения, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

Введение и методические аспекты анализа

Проблема депопуляции (устойчивой естественной убыли населения) продолжает иметь место в большей части регионов Российской Федерации. Более того, её решение усложнилось с 2020 г. из-за пандемии COVID-19 и её последствий, а позже — из-за политических событий вокруг Украины. Проблема депопуляции для России и её регионов не просто актуальна — это вопрос жизни и смерти подавляющей части местного населения страны, а значит и существования России. Данному вопросу много внимания отводится в демографической литературе [1–4]. Раскрыты различные аспекты депопуляции [5–8]. Представленная работа служит продолжением данных публикаций.

Воспроизводство населения имеет две составляющие: положительную — рождаемость, и отрицательную — смертность. Общие итоги воспроизводства населения — это итоги, представленные в абсолютном выражении либо с помощью общих коэффициентов рождаемости, смертности и воспроизводства населения. На формирование общих итогов рождаемости и смертности населения, а также, как следствие, и на воспроизводство населения, влияют параметры и изменения двух их основных компонент. Первая компонента — это интенсивность явления, отражаемая в наиболее полном виде в форме ряда половозрастных коэффициентов смертности или возрастных коэффициентов рождаемости. Вторая компонента — структурная, она отражает возрастную структуру населения, в котором происходят процессы смертности и рождаемости.

Для расчётов и выявления вклада каждой из двух компонент в итоговый уровень явления в динамике используются методом агрегатных индексов [9, с. 115–116]. Но для того, чтобы в общем виде оценить вклад каждой из компонент в уровень явления в статике (в целом за период), можно прибегнуть к обобщающим индикато-

рам. Используемые в практике бесструктурные обобщающие показатели (суммарный коэффициент рождаемости — СКР, ожидаемая продолжительность жизни при рождении — ОПЖ) характеризуют интенсивность рождаемости и смертности соответственно. Возрастную структуру населения для рождаемости по общепринятым меркам можно охарактеризовать с помощью численности и/или доли женщин в возрасте от 15 до 49 лет (либо 20–39 лет — совокупности женщин «наиболее активного репродуктивного возраста» [10]). Возрастная структура населения для смертности касается всех возрастов, но в большей степени пожилых, ибо с возрастом возрастные коэффициенты смертности растут почти экспоненциально. Вследствие чего структуру населения для смертности можно охарактеризовать, например, долей лиц в возрасте 60 лет и старше («60+»). Для сравнения в статике регионов России между собой от исходных 4 индикаторов в дальнейшем анализе перейдём к индексам, представляющим собой соотношение того или иного индикатора по региону к итоговому (среднему) уровню по стране.

Объект данного исследования — население 84 регионов России по состоянию на 1 января 2022 года¹. Предмет исследования — общие итоги воспроизводства населения регионов страны за период с начала 1992 г. до конца 2022 г., а также основные компоненты рождаемости и смертности их населения — интенсивность этих процессов и соответствующая возрастная структура населения. Цель работы — выявить последствия депопуляции для регионов России за 31 постсоветский год, а также определить, какие из компонент рождаемости и смертности и как повлияли за этот период на уровень естественной убыли/прироста населения той или иной территории. Весь анализ в работе основан на данных официальной

¹ Ненецкий АО рассматривается вместе с Архангельской областью как один регион. Тюменская область берётся раздельно по трём непересекающимся частям: Ханты-Мансийский АО — Югра (ХМАО), Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО) и Тюменская область без АО. Информация по Республике Крым и городу Севастополь представлена с 2015 года.

российской статистики — Росстата². Данные за 2022 г. — предварительные, по оценке за январь-ноябрь 2021 года.

Результаты

С начала 1992 г. до конца 2022 г., то есть за прошедший постсоветский период, Россия и её регионы потеряли из-за превышения смертности над рождаемостью 16,3 млн человек — в среднем по полмиллиона человек в год. В течение этого периода был небольшой интервал положительного прироста в 2012–2016 гг., ставший видимым итогом действий Правительства РФ по реализации новых мер демографической политики, тем не менее, тесно связанный с возрастными структурными изменениями в населении страны. Но это не помогло России выйти на путь, как минимум, стабилизации численности её населения. Сразу после первого наступил второй этап депопуляции, его усугубила пандемия COVID-19 в 2020–2022 годах.

Все демографические процессы в России в целом складываются из региональных потоков, и депопуляция в стране есть результат депопуляции в большей части её регионов. За 1992–2022 гг. суммарно депопуляция имела место в 68 субъектах РФ из 84³. В относительном выражении по уров-

ню депопуляции в постсоветский период лидировали европейские области России. Они в большей степени пострадали во время Великой Отечественной войны, а также теряли население миграционным путём в последующие годы заселения тыла и окраин РСФСР и Советского Союза, а ещё позже — в силу притяжения двух главных мегаполисов страны (табл. 1).

Эти 6 регионов (3 из Центрального и 3 из Северо-Западного федеральных округов — далее ФО), потеряли в форме естественной убыли за 31 год от 1/4 до 1/3 своего населения (на начало 1992 г.). Основным фактором столь плачевного состояния была негативная возрастная структура населения (табл. 2). Во всех регионах, кроме Ленинградской области, доля женщин в возрасте 20–39 лет во всём населении была существенно ниже, чем по России в среднем. Кроме того, СКР в областях Ленинградской, Тульской и Смоленской был заметно ниже среднего по России. Напротив, доля лиц в возрасте «60+» лет во всём населении в них была существенно выше, чем по России в целом. При этом ОПЖ в этих 6 регионах близка к среднему уровню по стране.

Вслед за территориями с худшим положением по депопуляции в относительной форме идут 12 регионов Центрального ФО, а также Нижегородская и Пензенская области из Приволжского ФО (табл. 3).

² Все расчёты в тексте сделаны по официальным данным Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru> (даты обращения: 01.11.2022–01.02.2023).

³ В не рассматриваемом нами отдельно Ненецком АО депопуляции не было.

Таблица 1
Естественная убыль в отдельных регионах России за 1992–2022 годах

Table 1

Natural decline in certain regions of Russia in 1992–2022

Регион	Численность населения на начало 1992 г., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг. к численности населения на начало 1992 г. в %
Псковская область	838	-258	30,8
Тульская область	1839	-550	29,9
Тверская область	1649	-473	28,7
Ленинградская область	1679	-462	27,5
Новгородская область	749	-204	27,2
Смоленская область	1152	-300	26,0

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Таблица 2

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 2

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в размах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всём населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в размах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	Женщины 20–39 лет	Лица в возрасте «60+»
Псковская область	0,99	0,95	0,85	1,18
Тульская область	0,85	0,97	0,91	1,22
Тверская область	0,98	0,96	0,90	1,17
Ленинградская область	0,76	0,98	1,01	1,08
Новгородская область	0,99	0,95	0,89	1,18
Смоленская область	0,87	0,97	0,92	1,12

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Таблица 3

Естественная убыль в отдельных регионах России за 1992–2022 гг.

Table 3

Natural decline in certain regions of Russia in 1992–2022

Регион	Численность населения на начало 1992 г., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг. к численности населения на начало 1992 г. в %
Ивановская область	1285	-331	25,8
Рязанская область	1344	-339	25,2
Тамбовская область	1303	-315	24,2
Владимирская область	1648	-395	24,0
Воронежская область	2467	-575	23,3
Ярославская область	1469	-333	22,7
Курская область	1325	-299	22,6
Орловская область	899	-198	22,0
Нижегородская область	3762	-824	21,9
Калужская область	1075	-230	21,4
Костромская область	802	-169	21,1
Брянская область	1456	-306	21,0
Липецкая область	1232	-254	20,6
Пензенская область	1548	-309	20,0

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Эти регионы потеряли в форме естественной убыли за 31 год от 1/5 до 1/4 от своего населения на начало 1992 года. Основным фактором этого была, так же, как и в первом случае, возрастная структура населения данных территорий (табл. 4).

Во всех регионах из табл. 4, кроме областей Воронежской и Нижегородской, доля женщин в возрасте 20–39 лет во всём населении существенно меньше, чем по России в среднем. Напротив, доля лиц в возрасте «60+» лет во всех данных субъектах РФ существенно больше, чем по стране в целом. ОПЖ в этих 14-ти территориях близка к среднему уровню по стране, а СКР заметно ниже среднего по стране в половине областей.

Лидировали по абсолютным объёмам естественной убыли в стране за 1992–2022 гг. (помимо Нижегородской области) — Московская область, Москва, Ростовская область и Санкт-Петербург: 1249, 836, 691 и 674 тыс. человек соответственно. Отношение их естественной убыли к численности населения на начало 1992 г. составило: 18,6% — Московская область; 9,2% — Москва; 15,8% — Ростовская область и 13,5% — Санкт-Петербург. Их структурные и структурные показатели рождаемости и смертности населения между собой не согласовывались (табл. 5).

Как в столичных регионах, так и в промышленно развитых Московской и Ростовской областях, СКР был значительно ниже среднего уровня по стране. ОПЖ была выше лишь в двух столицах. Вследствие миграционных процессов доля женщин активного репродуктивного возраста была выше средней по стране в Московской области, Москве и Санкт-Петербурге несмотря на то, что доля лиц пожилого возраста «60+» в этих регионах также была существенно больше, чем в среднем по стране. Столь удручающие размеры депопуляции имели место несмотря на то, что на снижение размеров естественной убыли населения этих регионов, а также Белгородской, Воронежской, Ярославской, Калужской, Нижегородской и Липецкой областей влияла значительная по масштабам межрегиональная

и межгосударственная постоянная миграция населения. Эти территории весь постсоветский период были основными либо локальными межрегиональными миграционными реципиентами, то есть имели положительный итоговый миграционный прирост в обмене населением с регионами страны (миграционный прирост из-за рубежа для большинства регионов России, за исключением Еврейской АО и Чукотского АО, в целом был положительным). Структура их населения омолаживалась, общий уровень смертности в целом снижался, рождаемости — рос. И миграционный прирост, переходящий на следующий год в долю в численности постоянного населения, опосредованно смягчал депопуляцию.

К осязаемым результатам это привело лишь в Москве, в которой депопуляция была приостановлена в 2011–2019 гг., и имел место естественный прирост, составивший в сумме за 9 лет 150 тыс. человек, а также в Санкт-Петербурге, где депопуляция была приостановлена в 2012–2018 гг., и естественный прирост в сумме за 7 лет составил 41 тыс. человек. Из Центрального ФО в табл. 1–5 не попала Белгородская область. В ней отношение естественной убыли за 1992–2022 гг. (247 тыс. человек) к численности населения на начало 1992 г. составило 17,6%. СКР в этом регионе был значительно ниже, а доля женщин активного репродуктивного возраста и доля лиц пожилого возраста «60+» — выше средних уровней по стране.

Во всех областях Центрального ФО депопуляция не прекращалась в постсоветский период ни на один год. В Северо-Западном ФО та же участь постигла кроме областей Ленинградской, Новгородской и Псковской (табл. 1–2) ещё 4 региона: Республика Карелия, области Архангельская, Вологодская и Калининградская. Их суммарная естественная убыль за 31 год составила 123, 178, 211 и 130 тыс. человек соответственно. Суммарно 18 регионов Центрального ФО имели естественную убыль за 31 год в размере 7,2 млн человек или 44% от её итогового уровня по стране, в Северо-Западном ФО аналогичная величина была 2,4 млн человек.

Таблица 4

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 4

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в разгах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всём населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в разгах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	Женщины 20–39 лет	Лица в возрасте «60+»
Ивановская область	0,91	0,97	0,92	1,14
Рязанская область	0,92	0,99	0,91	1,21
Тамбовская область	0,87	1,00	0,88	1,23
Владимирская область	0,95	0,97	0,90	1,16
Воронежская область	0,86	1,01	0,99	1,14
Ярославская область	0,95	0,99	0,95	1,13
Курская область	0,96	0,99	0,94	1,14
Орловская область	0,92	0,99	0,94	1,17
Нижегородская область	0,92	0,98	0,97	1,11
Калужская область	0,96	0,99	0,93	1,11
Костромская область	1,05	0,98	0,87	1,12
Брянская область	0,93	0,98	0,94	1,10
Липецкая область	0,95	1,00	0,92	1,13
Пензенская область	0,88	1,01	0,92	1,19

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

На юге европейской части России (Южный и Северо-Кавказский ФО) ни на год из депопуляции за 1992–2022 гг. не выходили, помимо Ростовской области (табл. 5),

Таблица 5

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 5

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в разгах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всём населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в разгах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	Женщины 20–39 лет	Лица в возрасте «60+»
Московская область	0,91	1,00	1,05	0,96
Москва	0,81	1,08	1,03	1,08
Санкт-Петербург	0,87	1,04	1,09	1,06
Ростовская область	0,90	1,01	1,01	1,07

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Республика Адыгея (45 тыс. человек) и Волгоградская область (400 тыс. человек). В Республике Крым и Севастополе естественная убыль наблюдалась все годы ведения статистики Росстатом, то есть начиная с 2015 года. В Приволжском ФО депопуляция не прекращалась ни на один год, помимо областей Нижегородской и Пензенской (табл. 3), в 5 регионах — Республика Мордовия и области Кировская, Самарская, Саратовская, Ульяновская. Их суммарная естественная убыль за 31 год составила 171, 290, 496, 316 и 227 тыс. человек соответственно. Суммарно все регионы Приволжского ФО имели естественную убыль за 31 год в размере 3,9 млн че-

ловек (24% от её итогового уровня по стране). В Уральском ФО, Сибири и на Дальнем Востоке депопуляция все годы постсоветского периода имела место в 6 субъектах РФ — Курганской области, Алтайском крае, Кемеровской области, Приморском крае, Амурской области и Еврейской АО. Их суммарная естественная убыль за 31 год составила 153, 316, 476, 224, 72 и 16 тыс. человек соответственно.

По структурным и бесструктурным показателям рождаемости и смертности населения эти 17 регионов страны (за исключением территорий Центрального ФО) различались между собой (табл. 6).

Таблица 6

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 6

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в разгах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всём населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в разгах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	Женщины 20–39 лет	Лица в возрасте «60+»
Республика Мордовия	0,82	1,01	0,93	1,11
Кировская область	1,03	0,99	0,87	1,17
Саратовская область	0,90	1,00	0,97	1,10
Республика Карелия	1,00	0,96	0,90	1,07
Ульяновская область	0,93	1,00	0,92	1,14
Вологодская область	1,05	0,98	0,93	1,04
Кемеровская область	1,01	0,95	0,98	1,01
Самарская область	0,94	0,99	0,98	1,07
Волгоградская область	0,92	1,01	0,97	1,09
Калининградская обл.	0,95	0,98	0,98	1,00
Курганская область	1,14	0,98	0,83	1,16
Алтайский край	1,02	0,99	0,94	1,09
Архангельская область	1,04	0,98	0,88	1,05
Республика Адыгея	1,02	1,02	1,01	0,99
Приморский край	0,99	0,97	0,96	0,97
Еврейская АО	1,11	0,92	0,94	0,90
Амурская область	1,08	0,94	0,99	0,96

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Так, в Республике Мордовия и Ульяновской области СКР и доля женщин в возрасте 20–39 лет были значительно ниже, чем в целом по стране. А в областях Курганской, Кировской, Архангельской, Вологодской и Еврейской АО при ощутимо низкой доле женщин в активном репродуктивном возрасте СКР был заметно выше среднего уровня по России. В Амурской области

и Еврейской АО, в отличие от других, при низкой ОПЖ была и низкая доля лиц в возрасте «60+».

В противоположность к рассмотренным в России были и регионы, которые всё либо почти всё постсоветское время имели положительный естественный прирост населения (табл. 7).

Таблица 7

Естественный прирост в отдельных регионах России за 1992–2022 гг.

Table 7

Natural increase in certain regions of Russia in 1992–2022

Регион	Численность населения на начало 1992 г., тыс. человек	Естественный прирост за 1992–2022 гг., тыс. человек	Естественный прирост за 1992–2022 гг. к численности населения на начало 1992 г. в %
Республика Ингушетия	195	190*	98,0
Чеченская Республика	1030*	700*	68,0
Республика Дагестан	1937	931	48,1
Республика Тыва	303	92	30,3
ЯНАО	477	135	28,3
ХМАО	1272	321	25,3
Республика Саха (Якутия)	1100	175	15,9
Республика Алтай	197	28	14,7
Кабардино-Балкарская Республика	794	87	14,1
Республика Калмыкия	326	23	11,0
Карачаево-Черкесская Республика	429	24	7,2
Республика Бурятия	1052	43	5,5
Республика Северная Осетия – Алания	705	24	4,1

*оценки по данным текущего учёта: Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. Табл. 1.5. / Госкомстат России. — Москва, 2002. — 397 с. — С. 23.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Также в сумме за 31 год незначительный положительный естественный прирост был в Чукотском АО (5 тыс. человек) и в Тюменской области без автономий (6 тыс. человек). Все эти 14 регионов имели в постсоветский период самую высокую по Российской Федерации интенсивность рождаемости (СКР) и среднюю либо заметно более высокую, чем по стране, долю женщин наиболее активного репро-

дуктивного возраста. Показатели смертности шести республик Северного Кавказа заметно отличались от средних уровней по стране. Они были выше по структурному показателю ОПЖ и существенно ниже по структурному — доли лиц в возрасте «60+». У других регионов из данной группы при средних или даже очень низких уровнях ОПЖ была достаточно низкая и доля лиц в возрасте «60+» (табл. 8).

Таблица 8

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 8

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в размах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всем населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в размах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	Женщины 20–39 лет	Лица в возрасте «60+»
Республика Ингушетия	1,40	1,12	1,32	0,49
Чеченская Республика	1,66	1,08	1,14	0,39
Республика Дагестан	1,24	1,08	1,22	0,53
Республика Тыва	1,85	0,88	1,03	0,41
ЯНАО	1,19	1,02	1,07	0,42
ХМАО	1,17	1,02	1,07	0,59
Республика Саха (Якутия)	1,29	0,98	1,07	0,65
Республика Алтай	1,58	0,95	0,98	0,72
Кабардино-Балкарская Республика	1,01	1,05	1,13	0,78
Республика Калмыкия	1,14	1,02	0,99	0,87
Карачаево-Черкесская Республика	0,99	1,05	1,09	0,87
Республика Бурятия	1,27	0,95	1,02	0,78
Республика Северная Осетия – Алания	1,14	1,05	1,02	0,91
Чукотский АО	1,24	0,88	0,96	0,54
Тюменская область без АО	1,12	1,00	1,07	0,85

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Таблица 9

Естественная убыль в отдельных регионах России за 1992–2022 годы

Table 9

Natural decline in certain regions of Russia in 1992–2022

Регион	Численность населения на начало 1992 г., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг., тыс. человек	Естественная убыль за 1992– 2022 гг. к численности населе- ния на начало 1992 г. в %
Забайкальский край	1308	-9	0,7
Камчатский край	476	-6	1,2
Магаданская область	365	-9	2,4
Республика Татарстан	3692	-142	3,8
Республика Башкортостан	3988	-160	4,0
Республика Коми	1222	-53	4,4
Астраханская область	1003	-44	4,4
Мурманская область	1170	-54	4,6
Иркутская область	2794	-145	5,2
Томская область	1079	-59	5,5
Удмуртская Республика	1622	-90	5,6

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Положительный естественный прирост населения не имел ни один субъект РФ из числа областей и краёв, за исключением Тюменской области в целом. Большая либо значительная часть населения имеющих положительный естественный прирост регионов исповедовала ислам или буддизм (либо сходные с ним религии). Исключение составляли три части Тюменской области, Республика Северная Осетия-Алания и Чукотский АО.

Ещё в 11 регионах России естественная убыль в сумме за 31 год постсоветского времени была в относительном выражении минимальной (табл. 9).

Данная группа регионов была неоднородна по уровням рождаемости и смерт-

ности. Прежде всего, выделялся локальный миграционный реципиент Республика Татарстан. Все четыре индекса рождаемости и смертности в нём были на среднем уровне. Томская область также отличалась низким уровнем интенсивности рождаемости при очень высокой доле женщин наиболее активного репродуктивного возраста. В областях Магаданской и Мурманской СКР был чуть ниже среднего уровня по стране, в остальных регионах интенсивность рождаемости была ощутимо выше. Во всех регионах из табл. 9 ОПЖ и доля лиц в возрасте «60+» были либо ощутимо ниже среднего уровня по стране, либо близки к этому среднему уровню (табл. 10).

Таблица 10

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 10

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в разгах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всём населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в разгах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	женщины 20–39 лет	лица в возрасте «60+»
Забайкальский край	1,20	0,94	1,03	0,80
Камчатский край	1,05	0,96	0,96	0,80
Магаданская область	0,98	0,95	0,96	0,84
Республика Татарстан	1,03	1,03	1,03	0,97
Республика Башкортостан	1,10	1,00	1,00	0,94
Республика Коми	1,08	0,97	0,91	0,88
Астраханская область	1,13	1,00	0,99	0,96
Мурманская область	0,95	0,98	0,93	0,86
Иркутская область	1,15	0,94	1,02	0,89
Томская область	0,93	1,00	1,12	0,90
Удмуртская Республика	1,10	0,99	0,95	0,98

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

В остальных регионах России в относительном выражении депопуляция была более чем ощутима: отношение естественной убыли к численности населения на на-

чало 1992 г. колебалось в пределах 7–12%. Все эти территории на несколько лет выходили на положительный естественный прирост после 2011 г. (табл. 11).

Таблица 11

Естественная убыль в отдельных регионах России за 1992–2022 гг.

Table 11

Natural decline in certain regions of Russia in 1992–2022

Регион	Численность населения на начало 1992 г., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг. к численности населения на начало 1992 г. в %
Свердловская область	4755	-569	12,0
Краснодарский край	4764	-535	11,2
Челябинская область	3704	-400	10,8
Пермский край	3013	-330	10,9
Новосибирская область	2749	-271	9,9
Красноярский край	3164	-210	6,6
Ставропольский край	2523	-180	7,1
Оренбургская область	2168	-176	8,1
Омская область	2165	-154	7,1
Хабаровский край	1624	-130	8,0
Чувашская Республика	1344	-106	7,9
Республика Марий Эл	757	-69	9,2
Сахалинская область	714	-48	6,7
Республика Хакасия	574	-38	6,6

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Кроме Ставропольского края во всех территориях из табл. 11 интенсивность рождаемости была чуть выше среднего уровня по стране, а доля женщин — близка к среднему уровню или чуть ниже этого уровня. Аналогичная ситуация была и с другими показателями: и ОПЖ, и доля лиц в возрасте «60+» были либо близки к среднему уровню, либо чуть ниже его (табл. 12).

Ставропольский край являлся локальным миграционным реципиентом и регионом окружения Краснодарского края. Последний же — один из основных миграционных реципиентов России. Его структурные и бесструктурные индексы рождаемости и смертности мало отличаются от России в целом. Значительный межгосударственный и особенно межрегиональный миграционный прирост в эти два региона опосредованно смягчает депопуляцию в них. Новосибирская область в Сибири и Хабаровский край на Дальнем

Востоке являются локальными миграционными реципиентами Азиатской части России, вследствие чего депопуляция в этих двух территориях опосредованно смягчается за счёт, прежде всего, межрегионального притока из менее благополучных в социально-экономическом плане соседних территорий.

Выводы

Депопуляция — это не только следствие низкой рождаемости и высокой смертности населения регионов России, но и, в отдельные периоды времени, следствие нисходящей демографической структурной волны. Для выхода из депопуляции демографическую политику в России необходимо проводить дифференцированно во времени и территориально. К активной фазе пронаталистской демографической политики следует приступать на сходе демографиче-

ской структурной волны, а не на подъёме, как это уже было в истории России два раза после 1980 года. Это лишь усиливало волнообразность возрастной структуры населения страны. В частности, следующий этап активизации демографической политики для сглаживания демографической структурной волны в регионах России надо начать, по нашему мнению, в 2025–2027 годы. Помимо стимулирования рождаемости не меньший акцент в этот период необходимо сделать и на усиление иммиграционной политики.

К сожалению, периоды спадов демографических структурных волн в регио-

нах России совпадают с усложнением политической и социально-экономической ситуации в стране либо даже с катаклизмами политического и экономического характера. И, на наш взгляд, это не случайно. Очевидно, в таких условиях достаточно сложно изыскать дополнительные ресурсы для активизации демографической политики. Но если этого не делать, то волнообразность демографического развития, как регионов России, так и государства в целом, будет усиливаться, расшатывая его социально-экономическую устойчивость.

Таблица 12

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 12

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в разгах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всём населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в разгах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	Женщины 20–39 лет	Лица в возрасте «60+»
Свердловская область	1,05	0,99	0,97	1,01
Краснодарский край	1,03	1,02	1,00	1,03
Пермский край	1,10	0,97	0,97	0,97
Челябинская область	1,03	0,99	1,00	1,02
Новосибирская область	1,01	1,00	1,03	0,98
Республика Марий Эл	1,06	0,98	0,95	1,01
Оренбургская область	1,11	0,98	0,94	0,99
Хабаровский край	1,01	0,96	1,02	0,90
Чувашская Республика	1,04	1,00	0,94	0,99
Ставропольский край	0,94	1,03	1,07	0,96
Омская область	1,02	0,99	0,99	0,99
Сахалинская область	1,10	0,95	0,92	0,91
Красноярский край	1,02	0,97	1,05	0,90
Республика Хакасия	1,12	0,96	1,00	0,92

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Литература и Интернет-источники

1. **Рыбаковский, Л. Л.** 20 лет депопуляции в России / Л.Л. Рыбаковский.— Москва : Экон-информ, 2014.— 231 с.
2. **Рыбаковский, О.Л.** Депопуляция в регионах постсоветской России / О.Л. Рыбаковский, В.С. Судоплатова, О.А. Таюнова // Вестник Самарского Государственного Экономического Университета.— 2015.— № 6(128).— С. 42–46. EDN: U1HYUP
3. **Рыбаковский, О.Л.** Депопуляция в регионах России к началу 2020 года / О.Л. Рыбаковский, Т.А. Фадеева // Народонаселение.— 2020.— № 3.— С. 119–129. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.11; EDN: PPKYBP
4. **Рыбаковский, О.Л.** Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году/ О.Л. Рыбаковский // Народонаселение.— 2020.— Т. 23.— № 1.— С. 53–66. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.5; EDN: EHTSJW
5. **Рыбаковский, Л.Л.** Депопуляция и этнические аспекты в России/Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования.— 2015.— № 4.— С. 18–28. EDN: TRRQJL
6. **Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / под ред. В.В. Локосова.**— Москва : Экон-Информ, 2015.— 411с. EDN: YHBMHN
7. **Рыбаковский, О.Л.** Потенциал снижения смертности населения России / О.Л. Рыбаковский, В.С. Судоплатова, О.А. Таюнова // Социологические исследования.— 2017.— № 3.— С. 29–42. EDN: YMFZPD
8. **Рыбаковский, Л.Л.** Депопуляция в России: этапы, особенности и возможности нейтрализации / Л.Л. Рыбаковский, Н.И. Кожевникова // Социально-трудовые исследования.— 2019.— Т. 21.— № 2.— С. 4–17. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15; END: YAEDKL
9. **Демографический понятийный словарь / под ред. Л.Л. Рыбаковского.**— Москва : Центр социального прогнозирования, 2003.— 352 с. EDN: QOOXKR
10. **Рыбаковский, О.Л.** Рождаемость населения России и демографические волны / О.Л. Рыбаковский, О.А. Таюнова // Народонаселение.— 2017.— № 4.— С. 56–66. EDN: YSLFLE

Сведения об авторе:

Рыбаковский Олег Леонидович, д.э.н., зав. лабораторией, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; Researcher ID Web of Science: B-8924-2018; Scopus Author ID: 39362389200; PИНЦ AuthorID: 424430.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.1

DEPOPULATION IN THE REGIONS OF RUSSIA: RESULTS FOR 1992–2022 AND COMPONENTS

Oleg L. Rybakovsky

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(24/35 korpus 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: 1246185@mail.ru

For citation:

Rybakovsky O.L. Depopulation in the regions of Russia: results for 1992–2022 and components. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P 4–17. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.1 (in Russ.)

Abstract. *The article presents the results of the author's regularly conducted general analysis of depopulation in the regions of Russia in the post-Soviet period. The results of population reproduction for the period from the beginning of 1992 to the end of 2022 are summed up. For all regions, a ranking was carried out according to the relative level of depopulation for the period, that is, by the share of population losses due to natural decline relative to the population at the beginning of depopulation in the country (1992). For each of the selected groups of territories, the*

contribution of structural and non-structural components of fertility and mortality to the formation of the final natural decline of a particular region is indicated. Similarly, those few territories of Russia in which there was no depopulation for 31 years (in total) were investigated. The role of demographic structural waves in the formation of the current scale of depopulation in most of the country's territories is emphasized. It is concluded that the depopulation is not only the result of a low fertility and high mortality of the population of the regions of Russia, but also a consequence of the negative age structure of the population, and in some periods of time — and the downward demographic structural wave. To get out of the depopulation, the demographic policy should be carried out differentially in time and territorially. The active phase of the pronatalist demographic policy should begin at the descent of the demographic structural wave, and not on the rise, as it has already happened in the history of Russia twice since 1980, which only increased the wave-like age structure of the country's population.

Keywords: depopulation, reproduction, fertility and mortality of Russia regions population, age structure of the population, total fertility rate, life expectancy at birth.

References and Internet sources

1. Rybakovsky L.L. 20 let depopulatsii v Rossii [20 Years of Depopulation in Russia]. Moscow. Ekon- Inform. 2014. 231 p. (in Russ.)
2. Rybakovsky O.L., Sudoplatova V.S., Tayunova O.A. Depopulatsiya v regionakh postsovetsoy Rossii [Depopulation in regions of post-Soviet Russia]. Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Ekonomicheskogo Universiteta [Vestnik of Samara State University of Economics]. 2015. No. 6(128). P. 42–46. (in Russ.)
3. Rybakovsky O.L., Fadeeva T.A. Depopulatsiya v regionakh Rossii k nachalu 2020 goda [Depopulation in the regions of Russia by the beginning of 2020]. Narodonaselenie [Population]. 2020. No. 3. P. 119–129. DOI: 10.19181/population.2020.23.3. (in Russ.)
4. Rybakovsky O.L. Vosproizvodstvo naseleniya Rossii: zadachi, tendentsii, factory i vozmozhnyye rezultaty k 2024 godu [Russian population reproduction: challenges, trends, factors and possible results by 2024]. Narodonaselenie [Population]. 2020. No. 1. P. 53–66. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.5 (in Russ.)
5. Rybakovsky L.L. Depopulatsiya i etnicheskiye aspekty v Rossii [Depopulation and its ethnic aspects in Russia]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. 2015. No. 4. P. 18–28. (in Russ.)
6. Narodonaselenije sovremennoy Rossii: Vosproizvodstvo i razvitiye [Population of Modern Russia: Reproduction and Development]. Ed. V. V. Lokosov. Moscow. Ekon-Inform. 2015. 411 p. (in Russ.)
7. Rybakovsky O.L., Sudoplatova V.S., Tayunova O.A. Potentsial snizheniya smertnosti naseleniya Rossii [The potential for reducing mortality in Russia]. Soctsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. 2017. No. 3. P. 29–42. (in Russ.)
8. Rybakovsky L.L. Kozhevnikova N.I. Depopulatsiya v Rossii: etapy, osobennosti i vozmozhnosti neytralizatsiyi [Depopulation in Russia: its stages, features and possibilities of neutralization]. Social'no-trudovyye issledovaniya [Social and Labor Research]. 2019. V. 21. No. 2. P. 4–17. (in Russ.) DOI: 10.34022/2658–3712–2019–35–2–6–15
9. Demograficheskyy pon'atiynnyy slovar' [Demographic Conceptual Dictionary]. Ed. L.L. Rybakovsky. Moscow. 2003. 352 p. (in Russ.)
10. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Rozhdaemost' naseleniya Rossii i demograficheskiye volny [Fertility in Russia and demographic waves]. Narodonaselenie [Population]. 2017. No. 4. P. 56–66. (in Russ.)

Information about the author:

Rybakovsky Oleg Leonidovich, Doctor of Economics, Head of Laboratory, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e- mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000–0002–8937–3166; Researcher ID Web of Science: B-8924–2018; Scopus Author ID: 39362389200; Elibrary AuthorID: 424430.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.